

СЧИТАННЫЕ НЕДЕЛИ отделяют нас от печального дня Чернобыльской трагедии. Приближаясь, он заставляет наши сердца биться все сильнее и сильнее..., наполняя чувствами благодарности и скорби. Нет, не забыто 26 апреля 1986 года, не забыты люди, спасшие нас. Во имя Будущего об этой горькой дате надо помнить всем и всегда.

...Жажда памяти, гражданская боль особенно остро ощущаются людьми, меченными атомом. Любовь Сирота — одна из них. На ее глазах произошла трагедия. Она пережила боль расставания с родным городом Припятью, друзьями, близкими. Все это нашло отражение в ее сборнике лирических стихов «Нюша». Один экземпляр книги поэтесса подарила редакции.

О творчестве Любови Сироты рассказывается в статье ученого Адольфа Хараша, опубликованной в американской антологии мировой поэзии «Жизнь в строке».

● ЖАЖДА ПАМЯТИ

Впервые я встретил Любовь Сироту в конце января 1988 года в Киеве, на Троещине, где в ноябре 1986 года была размещена часть людей, эвакуированных из Припяти, города-спутника Чернобыльской ядерной станции. Они тепло встретили группу студентов и преподавателей из Московского государственного университета в Клубе земляков, в котором дети из покинутого города учились танцам, изобразительному искусству, а взрослые встречались, чтобы вспомнить прошлое и задуматься о будущем. Любовь Сирота и ее маленький сын жили в Припяти в близком соседстве с ядерной станцией. Ночь с 25 на 26 апреля была теплой и ясной. Любовь не могла уснуть. Она вышла подышать свежим воздухом и насладиться благоуханием весны. Она была одной из немногих в Припяти, которые видели дьявольскую вспышку огня. Если бы она только могла знать тогда, что нужно закрыть глаза и бежать, не оглядываясь, прочь от этого рокового зарева, от воздуха, пьянящего весенним цветением, и ставшего отныне губитель-

ным. Никто ничего не знал...
Сейчас, через три года после встречи на Троещине, я вновь могу видеть Припять того времени в свете моих бесконечных размышлений и в переполненном болью голосе Любови Сироты:
Скончался день?
Или Земли кончина?
На бледных листьях мертвая роса.
Уже не важно,
чья вина
и не важна причина,
лишь воробьем вскипают небеса.
И вот
Уже ни запахов,
ни звуков.
И в этом мире
лиры больше нет.
Здесь мы любили...
Вечная разлука
теперь царит
на выжженной земле.
(«У перехода»).

На экземпляре, который дала мне Любовь Сирота, она назвала сборник своих стихов «Голос из мертвой Припяти»: Голос выжженной земли». Такое название она могла дать своей ноше...
В одном из фильмов Ролана Сергиенко, который создал цикл лент о Чернобыльской катастрофе, есть уникальное со-

четание документа с художественной выразительностью. Любовь Сирота принимала участие в создании нового фильма «Порог». Один эпизод, снятый в Припяти 26 апреля 1986 года молодым местным кинорежиссером — Михаилом Назаренко, — показывает озаренную солнцем улицу, заполненную людьми, предающимися веселью воскресного дня; женщину, беззаботно прогуливающуюся в свободной одежде, играющих детей, мужчин без головных уборов, облегченных от груза рабочих будней.
«Никто ничего не знал», — повторяет Любовь Сирота, недоумевая. Но это обращение к каждому, а к тем, кто так или иначе знал об апрельской трагедии.
Официальное заявление важных чиновников Министерства здравоохранения гласило, что эвакуация была проведена вовремя и никто из жителей города не пострадал. Их опасения и беспокойство были признаны излишними, беспочвенными, субъективными со зловещим психиатрическим термином «радиофобия».

Стихотворение «Радиофобия» выделяется из поэтических произведений Любови Сироты на эту тему.
Не регистрировали нас и нашу смерть
С аварией связывать не стали,
не плавились от слез оркестров медь,
процессии венки не возлагали...
Списали нас на беспризорный стресс,
на подлые врожденные недуги...
А мы расплата за лихой прогресс,
всего лишь жертвы чьих-то сытых будней.
Эти строчки адресованы Министерству здравоохранения, которое охраняет интересы Государства, так же как и следующие строчки:
Что же такое с миром случилось,
если гуманнейшая из профессий тоже в чиновничью превратилась?.. («Радиофобия»).

Но кто-то, несомненно, должен бояться за этот мир, кто-то должен оценить жизнь. Кто же будет горевать об утратах? Давайте же все вместе испугаемся радиации. Живи долго, радиофобия...

Радиофобия, стая повсеместной!
Не дожидаясь добавочной встряски,
новых трагедий,
чтоб новые тысячи,
пекло прошедшее,
делались зрячими, — радиофобией,
может быть, вылечим мир
от беспечности, алчности, сытости,
от бездуховности, бюрократизма,
чтоб не пришлось нам по чьей-либо милости в нечеловечество переродиться?!
Та встреча на Троещине продолжалась до глубокой седой ночи. «Посмотрите, он уснул!» — вдруг сказала Любовь Сирота, глядя на сына, который вздремнул. «Он устал. До «войны» он просиживал перед телевизором далеко за полночь»... И с горечью добавляет: «Я все еще молода, многим более тридцати, но у меня нет сил умирать, не хватает энергии». Это тоже голос Любови Сироты, голос материнской тревоги и забот, голос неожиданного физического истощения.

Очень тяжелой ношей стала судьба детей и взрослых, перенесших невидимый огонь Чернобыля.
Вот так и живем.
Плоть все тяжелей.
Дух — все истощенней,
все уже.
Он может проникнуть в покинутый дом.
Он ночью над Припятью кружит...
Все чаще желаемь ему навсегда составить бездарное тело.
Все чаще не дни проползают года.
И нет нечисленья потерям...
Но надобно жить.
И во имя детей накапливать дух возмущенья,
чтоб старость в ребячьих глазах погасить надежду на исцеленье...
Эти строчки не вошли в сборник, который Любовь сама дала мне. Она написала их рукой на последней странице как личный дар поэту. «Но надобно жить»...

Адольф ХАРАШ, профессор Московского университета. Печатается в сокращении.

ГОЛОС ИЗ МЕРТВОЙ ПРИПЯТИ